

Оглавление

Введение	11
От автора.	16
Список карт	18

ЧАСТЬ I

Глава 1. Вторжение	21
Глава 2. Оккупация	39
Глава 3. Прибытие	61
Глава 4. Выжившие	77
Глава 5. Сопротивление	89
Глава 6. Командование бомбардировочной авиацией	109

ЧАСТЬ II

Глава 7. Радио	123
Глава 8. Эксперименты.	140
Глава 9. Сдвиги	159
Глава 10. Рай	166
Глава 11. Наполеон	194

ЧАСТЬ III

Глава 12. Последний срок	205
Глава 13. Бюрократия	220
Глава 14. Лихорадка	230
Глава 15. Декларация.	244
Глава 16. Надлом	252

ЧАСТЬ IV

Глава 17. Последствия	269
Глава 18. Побег	277
Глава 19. Один.	300
Глава 20. Восстание.	310
Глава 21. Возвращение.	326
Эпилог	344
Благодарности	348
Участники событий.	352
Список сокращений	364
Примечания	366

Введение

С грохотом подъехали и остановились грузовики. Послышались выстрелы и крики. В дверь постучал сторож.

«Немцы здесь, — закричал он. — Спрячьтесь в подвале или уходите через сад на заднем дворе»¹.

Человек в квартире не шелохнулся.

Оккупированная нацистами Варшава. Раннее утро 19 сентября 1940 года. Немцы вторглись в Польшу годом ранее, развязав в Европе Вторую мировую войну. Гитлер еще не сформулировал свои планы по уничтожению евреев. Сейчас он намерен разрушить Польшу, ликвидировав ее рабочий класс. Страну охватил жестокий террор. Тысячи польских граждан — врачей, учителей, писателей, юристов (как иудеев, так и католиков) — хватают прямо на улицах, расстреливают или арестовывают. В июне немцы открыли новый концентрационный лагерь для некоторых категорий заключенных. Он называется Аушвиц. Но о том, что происходит за его забором, почти ничего неизвестно.

Человек в квартире знает об утренней облаве и о том, что арестованных, скорее всего, отправят именно в этот лагерь. Вот почему он здесь. Ему дано секретное задание: проникнуть в лагерь, сформировать ячейки сопротивления и собрать доказательства преступлений нацистов.

Входную дверь с треском выламывают, и на лестнице раздается тяжелый топот. Мужчина надевает пальто и замечает, что в комнате напротив в кроватке стоит трехлетний мальчик и смотрит на него широко раскрытыми глазами. Его плюшевый мишка упал на пол.

В дверь заколотили кулаками. Мужчина быстро поднимает медведя и протягивает малышу, пока его мать впускает немцев.

«Скоро увидимся», — шепчет он ребенку. И, вопреки инстинкту самосохранения, сдается в плен².

Витольд Пилецкий стал узником Аушвица добровольно. История этого человека, уместившаяся в столь короткую фразу, подвигла меня начать поиски, занявшие пять лет. Я проследил его путь от земледельца до участника подполья в оккупированной Варшаве и разведчика, попавшего в грузовике для скота в эпицентр величайшего из зол, сотворенных нацистами. Витольд стал мне почти родным. И я снова и снова возвращаюсь к этой простой фразе и к тому моменту, когда он сидел в квартире в ожидании немецкой облавы, и размышляю над тем, как в свете его истории выглядит день сегодняшний.

Впервые о Витольде мне рассказал мой приятель, Мэтт Макалистер, осенью 2011 года. Мы с Мэттом вместе писали репортажи о войнах на Ближнем Востоке и пытались осмыслить события, свидетелями которых стали. Мэтт со свойственной ему бравадой отправился в Аушвиц, чтобы лицом к лицу встретиться с величайшим злом в истории человечества. Там он узнал о подпольном отряде Витольда. Рассказ о нескольких храбрецах, которые противостояли нацистам, немного подбодрил нас, но меня поразило то, как мало известно сейчас о миссии Витольда — предупредить Запад о преступлениях нацистов и организовать подпольный отряд с целью уничтожить концлагерь.

Отчасти картина прояснилась через год, когда самое длинное донесение Витольда было переведено на английский язык. История донесения примечательна сама по себе. В 1960-х годах этот документ попал в руки польского историка Юзефа Гарлиньского, однако все имена там были зашифрованы. Благодаря опросам выживших и логическим умозаключениям Гарлиньскому удалось восстановить значительную часть имен, и он опубликовал первые данные о деятельности сопротивления в концлагере. Затем, в 1991 году, научный сотрудник Государственного музея Аушвиц-Биркенау Адам Цыра обнаружил неопубликованные мемуары Витольда, второе донесение и другие отрывочные записи, хранившиеся в польских архивах

еще с 1948 года. Среди этих материалов оказался и составленный Витольдом ключ к шифру, скрывавшему имена его товарищей.

Я прочел донесение Витольда в 2012 году. Автор излагал пережитое в Аушвице точным и сухим языком. Однако рассказ его состоял из фрагментов информации, местами даже встречались искажения. Из-за страха, что арестуют его товарищей, он опускал важные эпизоды, скрывал душераздирающие подробности и тщательно описывал то, что представляло интерес для его аудитории — военных. У меня накопилось много серьезных вопросов, на которые не было ответов. Что стало с разведанными, которые он собрал в Аушвице, рискуя жизнью? Сообщи ли он британцам и американцам о массовых убийствах евреев задолго до того, как истинное назначение лагеря признали публично? Если так, скрывались ли представленные им сведения? Сколько жизней можно было бы спасти, если бы его предупреждениям кто-то внял?

Я воспринял эту историю и как личный вызов: я был в том же возрасте, что и Витольд в начале войны, у меня, как и у Витольда, — семья, маленькие дети, дом. Что заставило Витольда рискуя всем идти на подобное задание и почему его добровольное самопожертвование так глубоко тронуло меня? Я узнал в нем такую же неумную душу, что однажды увлекла меня на войну и с тех пор не давала покоя. Какой урок Витольд мог бы преподать мне о моей собственной жизни и разлуке с близкими?

Я прилетел в Варшаву в январе 2016 года, чтобы найти ответы на свои вопросы. Первым, кого я хотел увидеть, был сын Витольда, Анджей. Я нервничал перед встречей с ним. В конце концов, кто я такой, чтобы внезапно разбередить рану, связанную с историей его отца? Когда Витольда расстреляли, Анджей был еще ребенком. В течение пятидесяти лет ему говорили, что его отец — враг народа. Конечно, он никогда в это не верил, но узнать подробности истинной миссии Витольда ему удалось только в 1990-х годах, когда были открыты архивы коммунистов.

Разумеется, я волновался напрасно. Анджей оказался добрым и открытым человеком. Однако он сразу предупредил меня: «Не знаю, что еще вы найдете и с чего надо начинать искать».

И я ответил: «С вас».

Я понимал: о Витольде известно так мало, что важна любая мелочь, какую Анджей мог мне сообщить. Я не знал, о чем думал Витольд помимо того, о чем он писал, и того, что могли бы рассказать мне о его образе мыслей такие люди, как Анджей. Я даже не предполагал, что в живых осталось столько людей, знавших Витольда лично. Некоторые из них никогда прежде не делились своими воспоминаниями — возможно, потому, что не осмеливались говорить об этом при коммунистах, а может, просто потому, что их никто не спрашивал.

Помимо бесед с живыми свидетелями, я хотел проследить путь Витольда. Во время войны многие здания были разрушены, но часть из них сохранилась, и самым важным для меня местом была квартира, где арестовали Витольда. После того как я увидел все локации своими глазами, мне стало легче описывать то, что там происходило. Но еще лучше было пройти этот путь с живыми свидетелями. Оказалось, что трехлетний мальчик из квартиры, в которой Витольда арестовали, жив. Его зовут Марек. Они с матерью, невесткой Витольда, пережили войну, но потом коммунисты выгнали их из дома. Впервые за семьдесят лет я привел его в этот дом. Там Марек вспомнил о плюшевом мишке — этот случай красноречиво свидетельствовал о способности Витольда даже в момент сильнейшего стресса думать не только о себе.

Конечно, я знал: чтобы написать книгу, понадобятся сотни, если не тысячи таких деталей. Посетив Государственный музей Аушвиц-Биркенау, я понял, где их найти. В музее хранится более 3500 свидетельских показаний людей, выживших в лагерях, сотни из них касаются деятельности Витольда или описывают события, очевидцем которых он был. Большая часть этих документов прежде никогда не переводилась и не публиковалась. Весь этот материал мог приблизить меня к пониманию поступков Витольда, а именно это мне и было нужно — проникнуть в его мысли и попытаться ответить на вопрос о том, что заставило его сопротивляться.

Любой, кто изучает холокост, совершает для себя открытие: речь идет не только о гибели миллионов ни в чем не повинных европейцев, но и о коллективной неспособности признать весь ужас ситуации и что-то предпринять. Руководство стран-союзниц не хотело

видеть правду, а встретившись с ней лицом к лицу, не сумело сделать решительный шаг. И это был не только политический провал. Узники Аушвица тоже не осознавали масштабов Холокоста, в то время как немцы превращали концлагерь из тюрьмы с жестокими правилами содержания в фабрику смерти. Они поддались обычному человеческому инстинкту — не обращать внимания, оправдывать или отрицать массовые убийства как нечто не имеющее отношения к их собственной борьбе. Однако Витольд поступил иначе. Он рискнул своей жизнью ради того, чтобы мир узнал об ужасах концлагеря.

Работая над книгой, я все время пытался понять, какие качества выделяют Витольда из общей массы людей. Но когда я нашел и прочитал его записи и встретился с теми, кто знал его или сражался с ним плечом к плечу, я понял: пожалуй, самое замечательное в личности Витольда Пилецкого — фермера, отца двоих детей, не отмеченного особыми заслугами, не отличавшегося особой набожностью, — то, что к началу войны он был таким же простым человеком, как и мы с вами. Осознав это, я задался новым вопросом: как же этот обычный человек нашел в себе достаточно моральных сил, чтобы собирать сведения, сообщать об ужаснейших преступлениях нацистов и действовать, когда другие предпочитали закрывать глаза на происходящее?

Полная противоречий история Витольда — это новая глава в хронике Аушвица и рассказ о том, почему человек порой способен riskнуть всем ради ближнего.

Шарлотт, 2020

От автора

Перед вами — не художественное произведение. Все цитаты и подробности взяты из первоисточников: свидетельств очевидцев, мемуаров и личных бесед. Большая часть двух с лишним тысяч первоисточников, которые легли в основу этой книги, на польском и немецком языках. Все переводы выполнены моими замечательными помощниками — Мартой Гольян, Катажиной Чижиньской, Луизой Вальчук и Ингрид Пуфал, если не указано иное.

Два надежных источника информации о жизни Витольда в концлагере — это отчет, составленный им в Варшаве между октябрём 1943 года и июнем 1944-го, и мемуары, написанные в Италии летом и осенью 1945 года. Несмотря на то что писал он на бегу, не имея под рукой своих заметок, в его рукописях на удивление мало ошибок. Тем не менее Витольд не идеальный рассказчик. По возможности я старался обработать его записи, исправить ошибки и восполнить пробелы. Важным источником стала коллекция Государственного музея Аушвиц-Биркенау, которая насчитывает 3727 свидетельств заключенных. Я обращался и к другим архивам, где содержатся документы о значимых деталях и контексте тех событий. Это Архив новых актов в Варшаве, Краковский национальный архив, Центральный военный архив Польши, Институт национальной памяти, Библиотека Оссолинеум, Британская библиотека, Польский институт и Музей Сикорского, Фонд изучения польского подпольного движения, архив «Хроника террора» в Институте Витольда Пилецкого, Национальный архив Великобритании, Библиотека Винера, Имперский военный музей, Национальный архив США и Мемориальный

Побег

Аушвиц, апрель 1943 года

Витольд и Ян запланировали побег на пасхальный понедельник, рассчитывая на то, что половина лагерного гарнизона уйдет в отпуски или будет навеселе после праздника. Эдмунд отказался бежать — опасался за свою семью. По этой причине в оставшиеся до побега дни Витольд все делал сам. Он спрятал в пекарне гражданскую одежду, раздобыл деньги, приготовил карманный ножик, сушеный табак (они собирались разбрасывать его за собой, чтобы сбить собак со следа), взятки для пекарей — яблоки, варенье, мед, мешочек сахара — и капсулы с цианидом калия на случай, если их поймают¹.

Теперь Витольду необходимо было устроиться на работу в бригаду пекарей, но это оказалось непростой задачей. Чтобы избежать депортации в другой лагерь, Витольда зарегистрировали в отделе посылок как незаменимого работника. Попытка перейти из отряда в отряд выглядела бы подозрительно. Ему придется симулировать болезнь, чтобы попасть в госпиталь. Затем нужно найти капо пекарского отряда и попытаться убедить его, что Витольду разрешили работать под его началом. Для побега у Витольда будет всего несколько часов, прежде чем его хитрость раскроют.

Теперь Витольд должен был сообщить другим руководителям подполья о своем скором уходе. Он постарался как можно проще объяснить свой выбор.

— Здесь у меня было задание. В последнее время я не получал никаких инструкций, — сказал Витольд одному из своих заместителей. — Я не вижу для себя смысла оставаться в лагере².

— Значит, вы считаете, что можете сами решать, когда приезжать в Аушвиц и когда уезжать? — слова заместителя звучали странно, учитывая, какому риску подвергался Витольд³.

Утро предпасхальной субботы, 24 апреля, выдалось теплым и пасмурным. Приступив к работе в отделении посылок, Витольд начал жаловаться на головную боль. После обеда он остался в своем блоке и постарался, чтобы капо услышал, как он мучается от болей в суставах и икрах — это типичные симптомы тифа. Капо приказал Витольду немедленно отправляться в госпиталь. Витольд настаивал, что у него лихорадка, но санитары ему не поверили. Кто-то из них подметил, что этот заключенный уже болел тифом. Однако Витольду удалось зарегистрироваться в госпитале без осмотра — помог его приятель Эдек.

Витольд не обратился к Дерингу — возможно, из-за все более возраставшей отчужденности доктора. В это время Деринг находился под давлением своего начальства из СС — его принуждали участвовать в радиационных и химических экспериментах над половыми органами заключенных и проводить хирургические операции по удалению матки у женщин и по кастрации мужчин. Деринг еще не принял окончательного решения, но уже провел одну секретную операцию по удалению яичек у немца-гомосексуалиста. Заключенные относились к Дерингу враждебно, и он чувствовал, что тучи над ним сгущаются. Новый капо госпиталя, Людвиг Вёрль, испытывал неприязнь к полякам и старался распустить польский медперсонал или перевести его в Биркенау. После того как евреям позволили лечиться в госпитале, Вёрль начал брать на работу санитаров-евреев вместо поляков. Деринг сохранил свою должность, но подвергался нападкам со всех сторон⁴.

На следующее утро, 25 апреля, Витольда разбудил Эдек. Витольд объяснил ему свой план и сказал, что надеется на помощь Эдека в оформлении выписки⁵.

— Эдек, я буду с тобой честен — я ухожу. Ты устроил меня в госпиталь, избежав обычных формальностей, и ты же поможешь мне с выпиской. Кого они схватят после моего побега? Тебя. Поэтому предлагаю тебе идти со мной⁶.

— Я доверяю вам, — ответил Эдек, даже не спросив, каков план побега⁷.

В тот же день Ян пришел в госпиталь навестить Витольда. Услышав, что к ним присоединится Эдек, Ян поморщился. Найти место в пекарском отряде даже для одного Витольда было непросто, не говоря уже о втором человеке. Витольд твердо сказал, что решение принято. «Ну, хорошо», — пожал плечами Ян⁸.

Вечером Эдек устроил скандал: он кричал на Вёрля, что ему надоело видеть, как в госпитале обращаются с поляками, и он хочет уйти. Капо огрызнулся: «Тогда проваливай, куда хочешь, идиот!» Витольд слышал эту ссору из своей палаты и понял, что она разрешилась наилучшим для них образом. Чуть позже раздались шум драки и крики. Впоследствии Витольд узнал, что Эдек избил санитаря, которого все ненавидели за то, что он делал заключенным инъекции фенола⁹.

Утром в понедельник, 26 апреля, Эдек отправился в госпиталь, чтобы оформить документы себе и справку на выписку для Витольда. Сделать это было нелегко: Витольд предположительно страдал от тифа и должен был находиться в карантинном блоке минимум две недели. Эдек придумал отговорку: Витольду поставлен неверный диагноз, и на самом деле у него просто отравление. Они пришли в пекарню и увидели Яна, игравшего в карты с капо отряда пекарей. Капо был судетским немцем, и Ян какое-то время уже задабривал его. На столе стояла недопитая бутылка водки. Витольд объявил, что они новые пекари. Капо удивился, а Ян наклонился и зашептал ему на ухо¹⁰: «Капо, эти болваны думают, что будут объедаться тут хлебом и что у нас легкая работа. Оставь их мне на ночную смену, и я покажу им, что к чему»¹¹.

Это был момент истины. Витольд достал яблоко, немного сахара и маленький горшочек с вареньем, взятый в отделе посылок. У капо загорелись глаза. «Ладно, давайте посмотрим, какие вы пекари», — сказал он¹².

Итак, они приняты. Теперь нужно убедить двух пекарей уступить им место в ночной смене. Заключенные-пекари отдыхали на своих койках перед вечерней сменой, начинавшейся в шесть часов вечера. Витольд и Эдек затеяли громкий разговор о посылках, которые получили на Пасху. Это привлекло всеобщее внимание. Витольд и Эдек раздали яблоки и уговорили двоих пекарей отказаться от смены. Был ранний вечер, и им едва хватило времени на то, чтобы раздобыть

гражданскую одежду для Эдека. Он надел ее под полосатую робу. Спустя несколько минут бригаду пекарей позвали на смену¹³.

Они прошли через ворота. Солнце спряталось в облаках, и буквы надписи «Труд освобождает» озарил оранжевый свет. С юга надвигалась гроза. Из трубы крематория шел дым: в тот день для сжигания привезли тридцать три трупа, а в отдалении, в Биркенау, разводили костры для 2700 евреев из греческого города Салоники¹⁴.

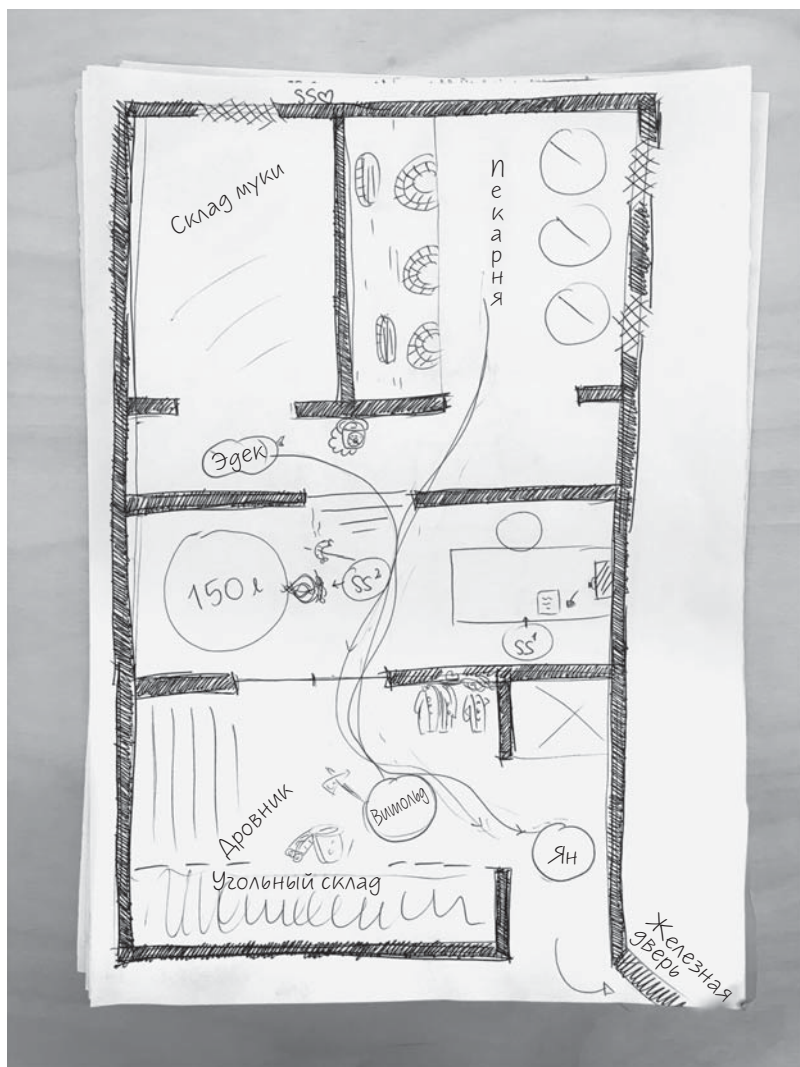
Отряд пекарей сопровождали четыре охранника-эсэсовца. Шла Пасхальная неделя, поэтому охранники были новые. Витольд надеялся, что благодаря этому охранники не заметят, что в отряде пекарей есть новички, следить за которыми нужно особенно пристально. Однако охранники были крайне бдительны, и даже привратник призвал их «не забывать об осторожности»¹⁵.

«Ни за что больше не пройду через эти ворота», — подумал Витольд, покидая лагерь¹⁶.

*

Дорога из лагеря в пекарню шла вдоль реки. Вода в реке казалась серой. Двое охранников повернули в сторону моста в город — вероятно, решили напиться в честь праздника. С заключенными остались только два эсэсовца. Когда Витольд и его спутники дошли до пекарни, наступили сумерки и начался дождь. Они остановились перед большим зданием из красного кирпича рядом с мельницей. Охранник достал из своего кожаного ранца ключ и открыл дверь. Из пекарни вышли заключенные, работавшие в дневную смену. Они ворчали, что на улице льет как из ведра. В это время Витольд и другие пекари проследовали через коридор в раздевалку. Охранник запер за ними тяжелую дверь, и они услышали, как снаружи задвинулся засов¹⁷.

Профессиональные пекари уже приступили к работе. Витольд и другие заключенные быстро сняли свои полосатые робы и надели белые фартуки, висевшие у двери. Они прошли котельную и через небольшой коридор попали в главный зал. Возле открытой печи котла охранники поставили стол и стулья, а у стены — узкую койку. В коридоре висел телефон — охранники каждый час отмечались в главном лагере. Витольд взял с собой перочинный нож, чтобы перерезать протянутые по потолку провода¹⁸.

План пекарни. Предоставлено Мартой Гольян

Главный зал пекарни представлял собой прямоугольную комнату с несколькими открытыми печами. Пекари быстро распределили обязанности между работниками ночной смены. Витольд должен был вымешивать тесто в большом электрическом тестомесе,

установленном на полу, а затем формовать хлеб и выкладывать на противни. Он моментально взмок, но изо всех сил старался выдерживать темп. Эдек накидал уголь в печь для первой партии из пятисот буханок, а затем выгреб угли кочергой. Эдек несколько раз обжегся, вскрикнул и упал на пол. Ян бросился к нему.

— Не беспокойся, со мной ничего не случилось, — прошептал Эдек. — Я притворяюсь, чтобы мне не давали тяжелую работу¹⁹.

Подошел рыжеволосый немец, примерно того же возраста, что и Эдек.

— Сколько тебе лет? — спросил он²⁰.

— Семнадцать, — ответил Эдек. На самом деле ему был двадцать один год.

— Как давно ты здесь?

— Больше двух лет.

— И ты еще жив?

Немец пожалел Эдека, велел ему взять пустой мешок из-под муки и лечь в коридоре.

Ночная смена выпекала пять партий хлеба. План побега состоял в том, чтобы уйти после первой или второй партии, около десяти часов вечера. Витольд уже был готов подать знак остальным, что пора выбираться, но Ян взглядом показал на окно кладовой: он заметил дежурного эсэсовца и его подругу, укрывшихся от дождя под карнизом крыши. Придется ждать, пока ливень ослабнет.

Ян продолжал следить за парочкой, волнуясь все сильнее.

Эдек лежал в коридоре и отсчитывал минуты. Партии хлеба вносили и выносили, а шансы на побег таяли. Эдек даже обрадовался, когда охранник приказал ему сделать несколько приседаний и принести уголь для котла.

Дождь прекратился около полуночи, и влюбленные ушли. К тому времени осталось выпечь только одну партию хлеба, и темп работы замедлился. Рыжий охранник жарил сосиску в печи котла. Второй немец, сидя за столом, писал письмо. Пекари сделали небольшой перерыв. Витольд понял: сейчас или никогда.

Витольд и Ян сказали пекарям, что идут за топливом на склад. Эдек последовал за ними с тачкой. Ян уже переоделся. Он вытащил ключ, заранее спрятанный на угольном складе. Витольд принялся шумно рубить дрова, а Ян проскользнул к входной двери.

Сначала нужно было открутить гайку, которая крепила засов к двери. Не без труда Яну удалось отвернуть гайку и протолкнуть болт наружу. Затем он занялся двумя другими болтами. Сдвинуть их было сложнее. Витольд и Эдек старались как можно сильнее шуметь, чтобы заглушить звуки, которые производил Ян.

В этот момент на склад заглянул рыжеволосый охранник.

— Где третий? — спросил он²¹.

Витольд и Эдек замерли.

Немец направился к выходу. Казалось, теперь Яна точно поймут, но он успел забежать в туалет и спустить штаны. Там его и нашел эсэсовец.

— А, вот ты где, — сказал охранник, все еще подозрительно глядя на Яна. Немец подошел к двери и включил фонарик, чтобы осмотреть ее. К счастью, он не заметил, что болты и гайки задвижки отсутствуют. Охранник вернулся к приготовлению сосиски.

Следующий шаг — отключить телефон в коридоре. Было почти два часа ночи. Охранники должны отметить в штабе. Витольд протянул Эдеку карманный ножик. Тот взял тачку и повез ее к печи. Рыжий охранник смотрел в сторону коридора, где находился телефон, но, казалось, был поглощен своей сосиской и созерцанием огня. Второй охранник спал на кровати. Эдек как можно тише опустил тачку, встал на мешок, вытянул руку и обрезал телефонный провод в двух местах. Он поймал падающий кусок провода, поспешил к печи, бросил улику в огонь и сразу понял свою ошибку, когда запах горячей резины наполнил комнату.

Подбежал рыжий охранник и спросил у Эдека, что тот бросил в огонь. Ничего не увидев, он обругал Эдека и вернулся в котельную. Эдек уже направился к выходу, когда один из пекарей приказал ему принести воды для теста. Эдек знал, что охранники могут в любой момент позвонить в штаб и обнаружить, что телефон не работает. Однако выбора не было. Он принялся носить ведра с водой из котельной, но тут появился раздраженный Витольд.

— Мы немедленно уходим из пекарни, — прошипел он. — Важна каждая секунда²².

Эдек поставил ведро рядом с котлом и вслед за Витольдом проскользнул мимо охранников в раздевалку. Витольд и Эдек схватили свертки со своей одеждой — переодеться было некогда — и подошли

к двери. Ян уже вставил дубликат ключа в замок. Ключ не сдвинулся с места. Ян попробовал еще раз, навалился на дверь всем телом. Витольд и Эдек помогли. Дверь прогнулась, а затем внезапно распахнулась, и внутрь ворвался холодный воздух. Витольд увидел звезды и Яна, бежавшего к реке. Витольд и Эдек рванули за Яном²³.

Раздались выстрелы. Беглецы не оглядывались — через двести метров их скроет ночная мгла. Витольд крикнул Яну, чтобы тот остановился. Витольд планировал пересечь Солу по городскому мосту, а затем по противоположному берегу пойти в обратном направлении, в сторону лагеря, и дальше на восток, к Кракову — он надеялся, что эсэсовцы никогда не догадаются о таком маршруте. Однако Ян побежал в противоположном от лагеря направлении.

— Ты говорил, что знаешь, куда идти? — спросил Ян, наклонившись и тяжело дыша, когда Витольд и Эдек, наконец, догнали его²⁴.

Мост через реку Солу

— Да, — ответил Витольд, но возвращаться было уже поздно. Им придется пересечь реку в другом месте. Они побежали друг за другом вдоль берега реки прочь от города, одновременно натягивая на себя гражданскую одежду. Приготовленный мешок с табаком порвался. Впереди они услышали грохот поезда, а затем увидели освещенные вагоны, двигавшиеся по мосту через реку. Это был основной путь в Краков²⁵.

Мост наверняка под охраной.

— У нас нет выхода, — сказал Витольд, направляясь к мосту. — Мы пойдем самой короткой дорогой²⁶.

Увидев будку часового на железнодорожной насыпи, они упали на мокрую землю, затаились. Вокруг было тихо. Через несколько минут они приблизились к будке и обнаружили, что в ней никого нет.

Витольд ступил на мост первым, Ян и Эдек последовали за ним. Справа угадывались очертания Освенцимского замка, слева расстиралось открытое поле, через которое бежала река. Железнодорожная линия исчезала в черной пустоте. Сколько заключенных проехало по этому мосту, чтобы никогда больше не вернуться?²⁷

Они достигли противоположного берега, спустились с насыпи на мокрое поле. Сола удалялась от железной дороги и примерно через три километра впадала в Вислу. И Висла, и железнодорожные пути тянулись на восток — туда, куда направлялся Витольд со спутниками. Беглецы планировали пересечь Вислу, чтобы к рассвету добраться до лесистого северного берега. Они шли вдоль берега, густо поросшего камышом и крапивой. Пахло диким чесноком, в воздухе витал восхитительный миндальный аромат цветущей черемухи. По другую сторону путей прожекторы метались вокруг дымоходов огромного завода синтетического каучука IG Farben. Тысячи людей погибли при возведении этой фабрики, а она все еще не достроена. Почти час они обходили рвы и канавы²⁸.

К тому времени беглецы находились километрах в пятнадцати от лагеря. Начинало светать. Вдалеке на противоположном берегу реки виднелись деревья, обещавшие укрытие. Река здесь была шире, утренний туман клубился над поверхностью воды и постепенно таял.

— Хорошо бы переплыть реку на лодке, — сказал Ян.

Им повезло: вскоре они наткнулись на заполненную водой лодку, прикованную к колышку у берега. За деревьями, чуть в стороне, темнели хозяйственные постройки. Цепь держал навесной замок с простым болтом. Ян достал гаечный ключ. Ключ подошел, и они отвязали лодку. Витольд нашел пустую консервную банку, чтобы вычерпывать воду. Они прыгнули в лодку, оттолкнулись от берега и поплыли. Достигнув песчаной отмели, они оставили лодку и последние несколько метров до берега брели в ледяной воде²⁹.

Витольд поднялся на берег и увидел, как под лучами солнца тает утренний туман. До леса полтора километра открытой местности.

Год назад в окрестных деревнях прошли этнические чистки, и теперь там проживали немецкие поселенцы. Витольд понимал, что бритые головы и грязная одежда сразу выдадут в них сбежавших заключенных. Ян вытащил из кармана цветной шарф, обернул его вокруг головы Эдека и пошутил, что Эдек похож на очень уставшую женщину³⁰.

Они ковыляли на онемевших ногах, вдруг послышался вой лагерьной сирены и рев мотоциклов вдалеке. Ощувив всплеск адреналина, Ян помчался в сторону леса, а Витольд с Эдеком едва поспевали за ним. До леса Ян добрался первым³¹.

Висла на рассвете

Посаженные местным землевладельцем сосны росли аккуратными рядами. Витольд и Эдек потеряли Яна из виду и пошли по одному из рядов, пока не оказались в тенистом лесном полумраке. Внезапно из-за дерева вышел Ян. Он раскинул руки и широко улыбнулся³².

— Позвольте поприветствовать вас в редколесье! — объявил он³³.

Друзья обняли его и расцеловали. Витольд упал на спину на ковер из мха и сухой сосновой хвои и устремил взгляд вверх, на сужавшиеся стволы деревьев.

«Сосны перешептывались, покачивая огромными верхушками, — вспоминал он. — Между стволами деревьев виднелось голубое небо. Роса искрилась на кустах и траве, как маленькие драгоценные камни... Местами сквозь ветви деревьев пробивались солнечные лучи»³⁴.

Меткув лес, где Витольд, Ян и Эдек остановились для отдыха

Ранним утром лес наполнился голосами птиц — трелями жаворонков и карканьем ворон. Витольда же больше всего поразила стоявшая тишина: «...тишина, далекая от людского шума... от людских интриг... тишина, в которой не было ни единой живой души... невероятный контраст с лагерем, где, как мне казалось, я провел тысячу лет»³⁵.

Он нащупал в кармане баночку с медом и чайную ложечку и предложил Яну и Эдеку подкрепиться. «Мы были очарованы всем, — писал Витольд. — Мы были влюблены в этот мир... но только не в его людей»³⁶.

*

Чувство умиротворения постепенно ушло, вернулась настороженность, и они снова заговорили о побеге. Что-то подсказывало Витольду, что граница между рейхом и генерал-губернаторством должна быть недалеко. Каким-то образом им нужно ее перейти, а затем добраться до дома надежных людей в Бохне, в 160 километрах отсюда. У них не было ни еды, ни денег, ни документов, а лагерное гестапо, несомненно, уже разослало ориентировки на них во все полицейские управления этого района.

Они продолжили путь во второй половине дня и вскоре встретили лесника, который попытался вступить с ними в разговор. Беглецы скрылись от него в густой поросли молодых сосен. В сгущавшихся сумерках они перешли главную дорогу. Рельеф местности

поменялся, и они поднимались по склону в лиственный лес из бука и граба. На вершине холма они увидели известняковые стены полуразрушенной крепости и направились туда.

Никаких признаков жизни в крепости не было, но они не стали задерживаться возле нее. Неподалеку от крепости они нашли овраг, засыпанный прошлогодней листвой. Беглецы зарылись в листву, было мокро и холодно. Ян и Эдек уснули, а Витольту нездоровилось. Он лежал и обдумывал их дальнейшие действия. Граница хорошо охраняется. Им нужен проводник, но кому можно довериться? После двух с половиной лет в лагере он не знал, как будут настроены люди, которых он встретит. Большинство его соотечественников по-прежнему против нацистов, но из-за голода, страха или амбиций люди вынуждены договариваться с оккупантами. Нацисты давно покровительствуют полякам, у которых есть хотя бы немного немецкой крови, а сейчас активно стараются привлечь на свою сторону еще больше поляков.

Около четырех часов утра Витольт задремал, но вдруг вспомнил один разговор. В прошлом году кто-то из заключенных рассказывал, что его дядя служит священником прямо на границе. Витольт запомнил имя этого человека и название города — Альверня. Это должно быть где-то недалеко.

Эдек ворочался рядом с ним, во сне он бормотал о хлебе и сахаре, а потом внезапно вскочил и потребовал: «Ну? [Витольт] принес хлеб?»³⁷

Витольт улыбнулся и осторожно разбудил его.

«Спокойно, дружище. Посмотри вокруг: лес, замок, мы спим в листьях. Это сон»³⁸.

Надо было вставать и идти, пока темно. Мышцы задервенели. Беглецы медленно спустились по лесистому склону холма. Небо посветлело, и сквозь редеющие деревья они увидели дорогу. Впереди на холме возвышалась церковь, вокруг раскинулся город, на улицах появились первые прохожие. Витольт поручил Яну спросить дорогу: Ян был лучше всех одет и к тому же он был лысым, а не бритым. Витольт и Эдек издали наблюдали, как Ян дошел до дороги и догнал какого-то человека. Перекинувшись с ним парой слов, Ян вернулся. Он подтвердил, что город на холме — Альверня и до границы осталось меньше полутора километров, а у въезда в город стоит

таможенный пост. Они стали рассматривать дорогу, и им показалось, что вдали они заметили пограничника.

Единственный способ незаметно добраться до церкви — идти через лес. Они перебежали дорогу, а затем, прячась за деревьями, двинулись дальше. Беглецы едва держались на ногах, когда подошли к церкви. Обессиленные, опустились на землю возле старого дуба. Зазвонил церковный колокол.

— Ничего не поделаешь, дорогой [Ян], в церковь придется идти тебе, — сказал Витольд³⁹.

Ян покорно встал и пошел, а Витольд и Эдек забылись тревожным сном. Вскоре Ян вернулся. Священник, которого он нашел, не поверил в то, что они сбежали из Аушвица, и заподозрил Яна в попытке заманить его в ловушку. Витольд отправил Яна обратно, сообщив ему все, что знал о семье священника, вспомнив даже какие-то подробности из рождественского письма его друга, адресованного родным. На этот раз Ян привел с собой священника. Тот очень волновался, пока не увидел ужасного состояния Витольда и Эдека и не убедился в правдивости их слов. Он ушел, но вскоре возвратился. Священник принес кофе, молоко, пакеты с хлебом, сахаром, маслом, ветчиной, пасхальными яйцами и куличом.

Мужчины открывали пакеты один за другим, радуясь каждому. «Чего только нет в этих свертках!» — воскликнул Эдек⁴⁰.

Была даже мазь для втирания в суставы и сигареты. Поев, они закурили.

Оказалось, что это не тот священник, которого они искали, но он был знаком с семьей друга Витольда и обещал помочь беглецам. Он знал проводника, который сможет провести их через границу в генерал-губернаторство, но они должны оставаться в укрытии, пока он не вернется с проводником, ведь повсюду рыщут пограничники.

В обед священник принес новые пакеты с едой, сотню марок, темные береты и рабочую одежду. Он сказал, что придет с проводником, когда стемнеет⁴¹.

*

Беглецы поели, немного поспали. К десяти часам вечера священник привел проводника и принес еще немного провизии. Витольд и его товарищи уже были готовы двинуться в путь. Ночь стояла ясная.

Проводник был пожилым человеком, худощавым и молчаливым. Он вел их по холмам, пока они не достигли труднопроходимой расщелины, заваленной упавшими деревьями и заросшей ежевикой. Проводник сказал, что генерал-губернаторство начинается в ста метрах по другую сторону. Беглецы пробрались через бурелом и оказались на дороге. Они шли по ней до рассвета, а потом до вечера прятались в придорожных кустах. Было настолько влажно и грязно, что они не могли уснуть. С наступлением сумерек Витольт, Ян и Эдек продолжили свой путь.

Вскоре они подошли к полноводной Висле. На противоположном берегу стоял бенедиктинский монастырь и небольшой городок Тынец. Паромщик согласился перевезти их на лодке. Пока они усаживались, он пристально рассматривал их. Паромщик предупредил путников, что приближается комендантский час. Они переправились на другой берег и поспешили в сторону города. Крестьяне гнали с пастбищ скот. В одном из домов открылась дверь, и на пороге появилась хозяйка. Ян хотел попросить у женщины молока и хлеба, но она быстро захлопнула дверь. На другом конце города беглецы еще раз попробовали найти еду и кров. Женщина собиралась прогнать их, но тут подошел ее муж. Несмотря на возражения жены, он предложил им немного свекольного супа⁴².

— Вы, наверное, едете с работ в Германии? — спросил хозяин, когда они вошли в дом⁴³.

— Да, — ответил Ян⁴⁴.

— Но ведь там можно быть с волосами, а вы все стриженные? — продолжил мужчина.

Ян сказал, что была эпидемия тифа и им пришлось побрить головы, однако хозяин дома явно им не верил. Он упомянул про Аушвиц, но они уклонились от этой темы. Мужчина предложил им переночевать в сарае, и Витольт, который так ни разу и не выспался за двое суток, прошедших с момента побега, согласился. На следующее утро они уже были в пути.

Несколько дней они двигались, обходя деревни стороной, и лишь время от времени стучали в двери в поисках еды и воды, но нигде не задерживались надолго. Они шли вдоль Вислы на восток, обогнули Краков и 1 мая достигли лесного массива под Неполомице. По другую сторону леса находилась Бохня — городок, где они надеялись найти семью Эдмунда.

Стояло теплое весеннее утро. Вокруг никого не было, они шагали по извилистой лесной дороге, пока не наткнулись на побеленный дом лесника. Зеленые ставни были закрыты, никаких признаков жизни. Они миновали двор и вдруг увидели немецкого солдата с винтовкой за плечом. Они продолжали идти, пытаясь сохранять спокойствие, и прошли с десятков шагов, прежде чем немец крикнул: «Хальт!»

Они не остановились⁴⁵.

— Хальт! — снова закричал немец и взвел курок.

Витольд повернулся к нему с улыбкой.

— Все хорошо, — сказал он⁴⁶.

Из дома вышел второй солдат, а первый, который приготовился стрелять, опустил оружие. Он был метрах в тридцати, второй — метрах в пятидесяти.

Джон Гилкс

— Парни, бегите! — заорал Витольд и бросился удирать. Они кинулись врассыпную, вслед раздались выстрелы. Витольд прятался за стволами деревьев и между кустами, вокруг свистели пули. Мгновение спустя он почувствовал короткий резкий удар в правое плечо. «Сволочь», — подумал он, но боли не почувствовал и побежал дальше⁴⁷.

Витольд видел Эдека, бегущего левее, и окликнул его, как только они оказались в чаще. Они остановились. Вдали все еще звучали

выстрелы. Яна нигде не было. Эдек осмотрел рану: Витольду невероятно повезло — пуля прошла навывлет через плечо, не задев кость. Эдек перевязал рану (йод и бинты они прихватили из лагеря). Еще три пули продырявили штаны и куртку Витольда, не причинив ему вреда. Казалось, найти Яна в лесу невозможно. Они решили отправиться в Бохню в надежде, что и Ян тоже туда придет⁴⁸.

Когда Витольд с Эдеком вышли из леса, уже темнело. Они добрались до небольшой деревни на реке Рабе и переплыли на противоположный берег на пароме. Вскоре показались огни Бохни — старого городка, где добывали соль. В XIX веке городок, входивший в состав Австро-Венгерской империи, процветал. Теперь в центре города нацисты устроили гетто, но еще не ликвидировали его. Витольд и Эдек шагали молча, думая о Яне.

Юзеф Обора в годы войны. *Предоставлено Мартой Орловской*

Они переночевали на чердаке крестьянского дома, а родственников Эдмунда нашли на следующее утро. Тесть Эдмунда, Юзеф Обора, работал на улице в саду. Увидев Витольда и Эдека, он заулыбался, что показалось немного странным. Все прояснилось, когда они вошли в дом: в одной из комнат на кровати, высунув ноги из-под покрывала, крепко спал Ян, целый и невредимый. Они бросились к другу, обняли его, а затем провели несколько счастливых часов: отъедались

и знакомились с семьей Обора. Заговорили о лагере, и Витольд забеспокоился. Несмотря на травму и крайнюю усталость, он настаивал на немедленной встрече с кем-нибудь из подполья. Однако местный подпольщик, с которым его свели, сказал, что для этого потребуется время, и Витольду пришлось смириться с обстоятельствами⁴⁹.

*

Через несколько дней подпольщик зашел за Витольдом, и они отправились в соседний город Новы-Виснич, а Эдек и Ян остались в доме семьи Обора. Витольд поинтересовался у своего спутника, как зовут командира, с которым ему предстоит встретиться. «Томаш Серафиньский», — услышал он в ответ. Это был тот самый человек, под именем которого Витольд находился в Аушвице⁵⁰.

— Все в порядке? — спросил его сопровождающий⁵¹.

— Ничего, я просто немного устал, — ответил Витольд. — Давайте пойдем побыстрее⁵².

Они поднялись на холм и увидели старый замок Новы-Виснич на лесистом склоне напротив. Под ним раскинулся маленький городок. Дом Томаша находится с другой стороны от замка, объяснил попутчик Витольда. Гестапо расположилось в монастыре неподалеку, поэтому нужно соблюдать осторожность. Витольд быстро зашагал к дому Томаша, убежденный, что сама судьба ведет его туда.

Дом стоял в стороне от деревьев, посаженных вдоль дороги. Это был деревянный особняк с черепичной крышей из кедра, а крыльцо украшала резьба с цветочным орнаментом. За домом виднелась конюшня, за ней — поле. Рядом с воротами висела табличка с черно-золотой надписью Koguznówka.

Жена Томаша, Людмила, приняла их в задней части дома, на веранде. За домом был сарай, фруктовый сад и пруд. Участок за домом имел небольшой уклон в сторону реки.

— Я пришел вернуть Томашу его имя, — объявил Витольд⁵³.

Он представился именем Томаша Серафиньского ее мужу — невысокому, интеллигентного вида человеку.

— Так я тоже Томаш, — недоуменно произнес тот. Витольд сообщил Томашу все его биографические данные, а затем назвал на немецком языке свой номер в Аушвице и перечислил все свои переводы между рабочими отрядами и блоками за три года⁵⁴.

Только после этого Витольт разъяснил все до конца.

«Нельзя даже предположить, как человек мог бы отреагировать, услышав подобное», — вспоминал Витольт. Томаш широко развел руки, улыбнулся и обнял Витольтда⁵⁵.

Сидя с Томашем и Людмилой за маленьким обеденным столом, Витольт чувствовал себя как дома. Томаш, как и Витольт, был шляхтичем. Он изучал право в Кракове, а потом вернулся в семейное поместье и стал управлять им. Стены дома украшали картины художника Яна Матейко, который приходился Томашу родственником. Томаш предложил Витольту поселиться в сарайчике. Людмила приготовила фирменное семейное блюдо — ржаные пирожки, — и за обедом Витольт рассказал Томашу о лагере. Витольт пояснил, что для атаки лагеря не нужен многочисленный отряд. Достаточно небольшой диверсии у ворот⁵⁶.

Томаш посчитал предложение Витольтда неблагоразумным, но согласился передать его просьбу руководителям краковского подполья. Он предупредил Витольтда, что на это может уйти несколько недель: гестапо проникло в организацию, и половина руководства сейчас в тюрьме или в бегах.

Томаш Серафиньский. Ок. 1940 года.

Предоставлено Марией Серафиньской-Доманской

Через несколько дней Томаш уехал в город, а Витольт сел писать отчет для варшавского подполья. Он вкратце охарактеризовал лагерь

и описал структуру подпольной организации. Суть его отчета состояла в следующем: в лагере есть сила, способная устроить восстание. Витольд требовал немедленных действий⁵⁷.

Неделю спустя Ян и Эдек приехали навестить Витольда. Он попросил их сделать записи о преступлениях нацистов, свидетелями которых они стали, чтобы включить в свой отчет. Они были потрясены, когда осознали, как мало людям известно о зверствах, которые совершают немцы в Аушвице. Сотни людей умирают в лагере каждый день, а всех вокруг волнуют только польские офицеры, убитые в Катynie⁵⁸.

«Никто не протестует! Никто не расследует, не приезжает! Молчание! Женева молчит. Запад никак не реагирует, — написал Ян. — Трудно поверить, что мир, который отреагировал на бойню в Катynie, до сих пор не осознает, что на самом деле происходит в немецких концлагерях»⁵⁹.

Ян, Витольд и Эдек (слева направо) под Корузнувкой. Июнь 1943 года.

Предоставлено Марией Серафиньской-Доманской

*

Томаш представил свои соображения об атаке на Аушвиц руководством подполья в Кракове в конце июня или начале июля. Идею отклонили как неосуществимую, а некоторые подпольщики

усомнились в правдивости истории, рассказанной Витольдом. Они знали, что из Аушвица удалось бежать лишь нескольким заключенным, но никто из них не предлагал вернуться и освободить лагерь. Подпольщики изучили карту лагеря и обнаружили, что на ней не обозначена пекарня. Руководство краковского подполья пришло к выводу, что Витольд — немецкий агент. Томашу приказали разорвать с Витольдом отношения. Томаш отказался, и ему пригрозили изгнанием из рядов движения сопротивления⁶⁰.

Витольд был возмущен, когда узнал о результате. Кто такие эти «корифеи подполья»? Они утверждают, что обеспокоены тяжелым положением заключенных Аушвица, но когда выпал шанс действительно спасти хоть кого-то, они ничего не делают! Кроме того, краковские подпольщики отказались достать фальшивые документы для Витольда, а это означало, что он рискует быть арестованным на первом же КПП. «Мы с таким же успехом могли бы сломать [себе] шею», — негодовал Витольд⁶¹.

Сарай Томаша Серафиньского, где жил Витольд

У Витольда не было выбора, поэтому он отправил сообщение своему бывшему курьеру Стефану Белецкому в Варшаву и попросил Ровецкого подтвердить его полномочия. Через несколько дней Стефан привез в Новы-Виснич поддельные документы на имя Витольда

и таблетку цианида. Стефан доложил Витольду, что никакого решения о восстании принято не было. Он добавил, что семья Витольты в безопасности и ждет встречи с ним. На самом деле Стефан пообещал Элеоноре, что немедленно доставит Витольту домой. Однако тот уезжать не собирался⁶².

Удостоверение личности, оформленное
для Витольты после его побега из лагеря.

Предоставлено Государственным музеем Аушвиц-Биркенау

Несколько недель спустя Томаш представил Витольду Анджея Мождженя, местного руководителя диверсионного отряда. Мождженя сказал, что может собрать для нападения на Аушвиц 150 человек. Трудность, объяснил Мождженя, заключается в следующем: чтобы нанести удар, диверсанты должны подойти достаточно близко к лагерю, а на подготовку потребуется немало времени. Витольту считал, что люди в лагере не могут ждать. Он боялся, что эсэсовцы уже отомстили заключенным за его побег. Из Аушвица в Новы-Виснич начальником гестапо Грабнером был отправлен офицер СС, чтобы арестовать Витольту. К счастью, Витольты не было в доме, а Томаш сумел убедить эсэсовца, что произошла ошибка. Томаш не был похож на лагерное фото Витольты, принесенное эсэсовцем, и это спасло Витольту⁶³.

Этот случай доказал, что необходимо как можно быстрее ударить по лагерю. Витольту спросил Мождженя, реально ли найти три машины, чтобы доставить в лагерь людей и оружие для атаки. Бойцы

оденут форму СС, чтобы без проблем доехать до лагеря, а затем прорваться обратно. Витольд понимал, что это крайне рискованная операция, но чувствовал, что он в долгу перед теми, кто остался в лагере⁶⁴.

Витольд и Томаш. Рисунок Яна Стащиневича. Июль 1943 года.

Предоставлено Марией Серафиньской-Доманской

Семья Обора, у которой пока жили Ян и Эдек, поддерживала связь с Эдмундом Забавским: они регулярно отправляли ему в лагерь посылки с записками. Витольд зашифровал свой план на краях салфетки, в которую был завернут пакет с хлебом, чесноком и луком для Эдмунда. «Мы можем приехать на трех машинах. Дайте нам знать», — говорилось в записке⁶⁵.

Ответ пришел через несколько недель: «Друзья Эльзуни не должны никуда ехать на машине, им нужно оставаться дома и работать». В другой записке добавлено: «Наступает осень, уже слишком холодно приезжать, и еще не время думать о нас»⁶⁶.

Подполье в лагере работало, но для атаки понадобилось бы больше трех машин. Витольд решил ехать в Варшаву, чтобы ускорить принятие мер. Вероятно, до него дошли слухи о кризисе в рядах

руководства подполья: в конце июня гестапо арестовало Ровецкого, а 4 июля в авиакатастрофе в Гибралтаре погиб глава польского правительства в изгнании Сикорский.

В августе за несколько дней до своего отъезда в Варшаву Витольд получил письмо от Стефана. Он вскрыл конверт, но о восстании в письме не говорилось ни слова. Стефан писал, что штаб подполья в Варшаве «искренне желает» наградить Витольда медалью. В ярости Витольд выбросил письмо. Награды ему не нужны. Он горел желанием действовать⁶⁷.